

УДК 141.155+130.2

DOI: 10.26456/vtphilos/2024.2.050

ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ю.А. Чернавин

ФГБОУ ВО «Государственный университет транспорта (МИИТ)», г. Москва

В статье осуществляется попытка разработки понятия «социальный драйвер» как методологического инструмента для исследования современного цифрового общества. Драйвер обладает противоречивыми функциями: с одной стороны, поддерживает системную целостность общества, исключая разноуровневое и разнокачественное развитие сфер и структур социума, с другой – обеспечивает его эффективную эволюцию. Главное предназначение драйвера – согласование социальных потоков, как правило, обладающих разнообразными векторами. Основой анализа выступает диалектика двух социальных институтов – культуры и управления, пронизанных в современном обществе соответствующими технологиями. Возникающие процессы формируют «цифровую культуру управления» в качестве драйвера постиндустриального развития. Выявляются принципы возникновения данного феномена и его основные характеристики.
***Ключевые слова:** драйвер социального развития, согласование, постиндустриализм, общество, человек, цифровая культура, цифровое управление, цифровая технология.*

Введение

В общем и целом под драйвером понимается некая универсальная программа, связывающая другие программы и сервисы с чем-то более общим и высокоорганизованным. Выполняя функцию согласования, драйвер, с одной стороны, блокирует попытки какого-либо компонента «уйти в сторону», с другой стороны – обеспечивает эффективное функционирование системы и ее ускоренное развитие.

Подобное понимание драйвера характерно для информатики, однако его содержание открывает известные перспективы для социально-философских исследований. Применение драйвера в качестве методологического инструмента позволит выявить те аспекты социальной динамики, которые остаются непрозрачными при анализе причинно-следственных связей, использовании исследовательских возможностей таких категорий, как, например, «источник развития», его «условия», «факторы» и т. п. Познавательные затруднения подобного рода характерны для современного общества с его особенностями: постоянным структурным усложнением; состоянием неопределенности, свойственным рискогенному социуму; стремительным

© Чернавин Ю.А., 2024

развитием цифровых технологий, функционирование которых трудно предсказуемо (либо вовсе не предсказуемо), но воздействие на социальные процессы неизбежно и масштабно.

В рамках темы самым общим и высокоорганизованным феноменом выступает общество. На меньших уровнях общности по отношению к социуму оказываются составляющие его сферы и структуры – экономика, политика, социальная жизнь, культура, информация, управление и др. В странах, идущих по пути постиндустриализма, благодаря цифровым технологиям они развиваются с невиданной доселе интенсивностью. Скорость трансформаций настолько велика, что грозит движением вразнос. Возникает необходимость драйвера, передающего импульсы развития от общества к его элементам и наоборот, поддерживающего целостность и в то же время обеспечивающего эффективное функционирование социума.

Проблема драйвера в научной литературе прямо не ставится, но ее аспекты отчетливо видны при исследовании постиндустриальной цивилизации. В этом случае один подход к основным характеристикам феномена связан с утверждением гуманизма (М. Хайдеггер, Г. Блэкхем, Я. ван Праг). Другой – с доминированием принципов технократизма (Д. Белл, Э. Тоффлер, М. Кастельс).

С позиций технократизма, несомненным драйвером выступают цифровые технологии. Их воплощение в конкретных процессах и структурах разнообразно. Это искусственный интеллект, децентрализованные сети блокчейна, интернет вещей, системы распределенного регистра, обработка больших данных, действие социальных сетей, облачных структур, мобильных приложений и т. д. Функционирование цифровых программ дает поразительные результаты. По сути, возникает «электронный субъект», способный к самообучению и выработке нестандартных решений. Более того, в работах, например, Ю.Н. Харари, К. Шваба сквозит мысль об умалении роли человека техногенной цивилизации, уступившего лидерство в деле выработки алгоритмов познания и деятельности «цифре».

При таком подходе задачей работы с драйвером оказывается его «приручение», включение в социальные процессы в интересах получения позитивных результатов. Однако, во-первых, пока никто до конца не понимает, как функционирует киберпространство. Во-вторых, цифровые технологии смотрятся как полу-драйвер, поскольку способны выполнять функцию ускорения развития каких-либо структур, но не функцию согласования разнокачественных социальных факторов. Эта функция, в-третьих, характерна для тех или иных социальных институтов, вырабатывающих и закрепляющих нормы и способы деятельности индивидов и групп. Так сказать, второй полу-драйвер, выделение которого характерно в большей степени для гуманизма.

Стало быть, социальным драйвером постиндустриального мира на его цифровом этапе развития выступает конструкт, имеющий техно-соци-

альную природу и возникающий в результате «срастания» современной техники и технологий с определенными социальными институтами. В этом отношении наиболее предпочтительны феномены культуры и управления.

В доцифровую эпоху именно эти институты выполняли функции, сходные с ролью драйвера. Со времен революции менеджеров мировая теория и практика рассматривают систему управления в качестве инструмента, способного обеспечить эффективное движение сфер и институтов по единой траектории. В то же время управленческие связи и алгоритмы, пронизывая структуры социума, поддерживают его целостность, демонстрируя в конечном итоге параметры драйвера. Культура выступает своеобразным ограничителем запредельных устремлений субъектов управления. Наполняя общество ценностями, нормами, способами мышления и деятельности, сохраняя национальные традиции, элементы культуры поддерживают системность общества, задавая тренд его развития.

Таким образом, перед нами два драйвера социальных изменений послевоенного мира. Однако, во-первых, в современных условиях их функциональная самостоятельность относительна. В ипостаси социального института объемы и первого, и второго пересекаются в части способов деятельности. Во-вторых, управление и культура на информационном этапе развития общества трансформируются, становясь цифровыми, приобретают структурную, содержательную и функциональную специфику. Но при этом их универсальная роль в социальной динамике не меняется. Более того, взаимодействие первого и второго с цифровыми технологиями создает конструкт, позволяющий рассматривать его в качестве эффективного драйвера постиндустриального развития.

Вследствие этого концептуальную основу статьи составляют положения о закономерном взаимопроникновении цифровых технологий, цифровой культуры и цифрового управления, их совместном функционировании в информационном мире при опоре на принцип дополнительности. Цель: обоснование механизмов взаимодействия указанных феноменов и их роли как драйвера социальной динамики. Исследовательские задачи решаются с учетом позиций как технологического детерминизма, так и положений социального и культурного детерминизма.

Теоретические основы анализа социального драйвера

Стремление выделить при анализе социального драйвера две цепочки причинно-следственных связей – технологических и социальных – обусловлено не только гибридной природой самого феномена, но и более общими позициями, составляющими методологическую и мировоззренческую основу последующих рассуждений. Речь идет о трактовке современной глобальной цивилизации, в содержании которой одновременно существуют тенденции технократизма и гуманизма, поддерживающие ее в неравновесном, возбужденном состоянии. В таком состоянии система обладает возможностью отбора структурообразующих факторов, производя его

в координатах собственной эволюции [9, с. 53]. Результатом подобного отбора и является социальный драйвер, возникающий как результат взаимодействия, с одной стороны, цифровых технологий, с другой – культуры и управления. Таким образом, отправной точкой анализа заявленной проблемы становится конструкт «цифровые технологии – культура – управление». Понимание фактора развития общества, определяемого как социальный драйвер, складывается в результате выявления его сути, условий, механизмов, областей возникновения, принципов функционирования.

Необходимыми условиями возникновения социального драйвера являются постоянно усложняющаяся структура современного общества и его рискогенный характер. Теория «сложного» социума в XXI в. относит к его признакам самоорганизацию и рефлексивность социальных акторов; возрастание скорости, нелинейности и альтернативности социальных изменений; плюрализацию рациональности; наличие виртуальной реальности; образование гибридов социального и физического и др. В целом сложность измеряется по шкале «детерминированность – недетерминированность поведения». Функционирование сложного общества оказывается трудно управляемым, хаотичным, неопределенным [4, с. 165–166]. В этом отношении сложный социум коррелирует с обществом риска. Соответствующие концепции У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана представляют риск как событие с вероятностными последствиями. Риски социальных и цифровых трансформаций вносят неопределенность в каждую сферу и ситуацию, теряется однозначность причинно-следственных связей, увеличивается количество точек бифуркации, складываются условия для появления «нестандартных» векторов и факторов развития.

Механизмом возникновения социального драйвера в условиях неопределенности предстает переплетение случайности и закономерности. Беспощадность случайного и закономерно неопределенного события – «черного лебедя» – ярко представлена Н. Талебом. «Черные лебеди» обладают крайне низкой предсказуемостью, поскольку методики доминирующего рационального познания оказываются неспособными предсказать появляющиеся аномалии. На фоне постоянного роста рационального знания современный человек перестает воспринимать случайность, хаотичность, учитывать их роль в социальной динамике. Однако в контексте происходящего в современном мире то, что остается непознанным, демонстрирует большую социальную значимость, нежели то, что было известно. В конечном итоге, пишет Н. Талеб, «человеческая природа заставляет нас придумывать объяснение случившемуся *после* того, как оно случилось, делая событие, сначала воспринятое как сюрприз, объяснимым и предсказуемым» [6, с. 10].

Стремление определить потенциальные сферы возникновения «значимого случайного» до его проявления способствует выявлению *области зарождения социального драйвера*. В цифровом обществе это киберпро-

странство. Одним из бесчисленных аспектов его функционирования касается Ю.Н. Харари. Говоря о возможностях самообучения и саморазвития «цифры», он рассматривает неопределенность соответствующих алгоритмов на примере прототипа – компьютерного вируса. Случайная ошибка, самопроизвольная виртуальная мутация такого вируса, укрывающегося от антивирусных программ и конкурирующего с другими вирусами, порождает вирус модифицированный, обладающий необходимыми ему, но уже усиленными качествами. Продолжающийся процесс постепенно заполнит цифровое пространство новыми вирусами-программами, порожденными случайными взаимодействиями [7, с. 272].

Спонтанные алгоритмы подобного рода, отличаясь неопределенностью функционирования, в то же время напитывают будущий драйвер энергией. Однако окончательно его оформление завершается при взаимодействии с социальными институтами. В принципе, не отвергая неопределенности рискогенного общества (более того, сами этой характеристикой обладая), институты тем не менее помещают силу драйвера в некоторые рамки, согласовывая разнокачественные влияния многих факторов.

На данный момент в рассуждениях следует обратить особое внимание вследствие значимости процесса «социализации» того контента, которым обладает и который создает «цифра». Ее информационно-аналитические возможности пока трудно оценить, однако, как пишет Ю.Н. Харари, искусственный интеллект способен превосходить людей в тех умениях и навыках, которые до сих пор считались исключительно человеческими [8, с. 39], а распознавание им закономерностей уже не выглядит невероятным [8, с. 38]. По сути, возникает «электронный субъект», способный не только к анализу ситуации и принятию решений, но и к самообучению.

В то же время его самостоятельность и неподконтрольность человеку относительны. Так, К. Шваб и Н. Дэвис подчеркивают, что технологии олицетворяют определенные социальные установки и цели [10, с. 17], а В. Розин выделяет в качестве реальности нового типа антропо-деятельностно-техническую реальность [5, с. 103]. Ее глубокое осмысление еще впереди, но уже сейчас подход позволяет представить некий континуум, возникающий как результат взаимодействия и «срастания» человека и общества, техники и технологий. Отдельные возможности и одной, и другой составляющей видоизменяются, раздвигаются их пределы, однако о доминировании технологий речи не идет.

По большому счету всё, чем богата «цифра», – это интеллектуальный опыт, полученный первоначально человеком, отданный машине, а затем ею переработанный и переоформленный. Своеобразный «аутсорсинг». В таком виде опыт востребуется и используется в качестве инструмента при решении тех или иных конкретных задач – производственных, управленческих, образовательных и др. Но его «социализация» как приобретение статуса социального драйвера происходит при взаимодействии со структурами социального института. В этом случае находит свое условное завершение игра

случайности и закономерности, а принципиальная неопределенность сведется к неким координатам определенности. В результате включается механизм согласования различающихся социальных вызовов, исходящих от цифровых технологий и от социальных институтов, а затем происходит их преобразование в фактор эффективного развития.

Обратимся к рассмотрению необходимых для дальнейшего рассуждения аспектов культуры и управления. Современную культуру фундирует связка «знание – технологии», вследствие чего она выступает как цифровая культура. К анализу цифровой культуры в числе первых обратился английский ученый Ч. Гир. Он рассматривает данный феномен в качестве одного из признаков постиндустриализма, включая в его содержание соответствующие артефакты, означивания и коммуникации, в совокупности отличающие образ жизни в информационном мире от других способов социального бытия [11]. Главный артефакт – компьютер.

В соответствии с деятельностным подходом к цифровой культуре следует отнести способы организации и развития деятельности человека, ее содержательное наполнение, а также возникающие в процессе деятельности или предвосхищающие ее ценности, идеи, социальные нормы и структуры. Появление в содержании культуры информационных технологий, представляющих собой единство соответствующих способов и средств деятельности, и делает ее цифровой. Приобретая устойчивость, совокупность компонентов выступает как социальный институт.

Источником эволюции культуры выступают многообразные противоречия, представляющие две тенденции – поддержание традиции и появление инновации. В ходе становления цифровой культуры данные тренды реализуются при столкновении гипериндивидуализма «человека информационного» и нового коллективизма виртуальной общины; информационной прозрачности и тотального цифрового контроля; избыточности «мусорных» данных и необходимости управления знаниями [2, с. 12–13]; симулятивного виртуального мира и мира реального; растущего статуса искусственного интеллекта и «клипового» сознания цифровой личности; алгоритмов работы роботов и этики человека и др.

В содержание противоречий входят компоненты как «сложного» общества, так и цифровых технологий, а также личностные и социальные особенности субъектов. Разрешение противоречий позволяет культуре не только утвердиться в рамках нового – цифрового – этапа и соответствующих формах функционирования, но и реализовать функцию собственной самоорганизации и самоуправления.

В этом отношении смыслы культуры и социального управления совпадают. Социальное управление, направленное, с одной стороны, на стабилизацию, сохранение качественной определенности той или иной системы, с другой – на обеспечение ее совершенствования и достижение запланированного полезного эффекта, выступает функцией культуры. И наоборот,

культура предстает как результат управления. Люди, включенные в пространство как первого, так и второго феномена, оказываются и субъектами, и объектами либо совпадающих, либо пересекающихся процессов.

В то же время отождествление культуры и управления невозможно: они принадлежат к разным сферам общества, отличаются структурой, закономерностями и целями функционирования. Социальное управление действует в единстве его видов – сознательного и стихийного [1, с. 29–30]. Сознательное управление связывается с целенаправленной деятельностью по достижению поставленной цели посредством принятия соответствующего решения. Под стихийным управлением понимается результирующая множества разнонаправленных усилий, которые применительно к данной системе выступают как случайные. По сути, речь идет о варианте единства закономерного и случайного.

Максимально эффективное влияние на общество в качестве драйвера цифровая культура и цифровое управление осуществляют при своем взаимодействии.

«Цифровая культура управления» как драйвер развития: механизмы становления и характеристики

Глубинным источником становления социального драйвера является взаимодействие человека – автора идей и создателя постиндустриального мира с порождаемым им информационным пространством. В цифровом обществе взаимодействие подобного рода имеет противоречивый характер. С одной стороны, оно характеризуется широкими возможностями для развития личности в качестве самодостаточного субъекта. С другой – условиями, предопределяющими потерю личностной самостоятельности, превращения человека не только в объект управления, но и манипулирования.

Применительно к процессу социального управления указанные тенденции, в большей мере присущие культуре, проявляются в возросшей динамике соответствующих субъект-субъектных и субъект-объектных отношений, которые приобретают многозначный и меняющийся характер. Управляющие и управляемые подсистемы, субъекты и объекты управленческих воздействий в ряде случаев способны меняться местами, зачастую выступая в двух ипостасях одновременно. В качестве «шлейфа» этих изменений выступают иные алгоритмы взаимодействий и средства передачи управленческой информации, ее обновленное содержание. Налицо переплетение процессов и сознательного, и стихийного управления. Их взаимосвязь, рассматриваемая сквозь призму цифровой культуры, приобретает особые механизмы и характерные черты.

1. Для цифрового мира характерен ощутимый рост количества управленческих контуров за счет расширения возможностей киберпространства. «Человек информационный» оказывается связанным коммуникациями со многими людьми, виртуальными сообществами, дискуссион-

ными площадками, различными органами и организациями. Применительно к возникновению и функционированию драйвера эти явления можно обозначить как «подключение». В результате мозаики «подключений» у современного «цифрового поколения», подчеркивает М. Кастельс, во-первых, исчезает четкое разграничение между работой и досугом, семьей и бизнесом [3, с. 341]; во-вторых, «слияние разных областей опыта в одном и том же средстве несколько затушевывает институциональное разграничение этих областей и смешивает коды поведения» [3, с. 341]. Разнообразная активность, характеризующая индивида в качестве независимого субъекта, имеющая признаки и сознательности, и стихийности, в конечном итоге согласовывает потоки информации и интеракций, предстает в качестве управления либо самоуправления, становясь основным драйвером не только личностного развития, но и трансформации тех социальных образований, с которыми индивид взаимодействует.

2. В информационном обществе изменяется традиционная иерархическая управленческая структура, повторяющая организацию цифрового пространства и дрейфующая в сторону сетевого построения отношений и влияний. При этом важно понимать, что узлы коммуникаций, образующих сеть, не обязательно однозначно и неизменно совпадают с субъектом/объектом управления. Сеть, как подчеркивает М. Кастельс, появляется путем пересечения сегментов автономных систем целей [3, с. 174].

При таком понимании сути сети структура современной организации любого социального уровня предстает как система модулей с меняющимся статусом, что приводит к трансформации характера управленческой нагрузки, приходящейся на ее участников, и к переходу тех или иных задач от одного участника к другому. Вследствие этого управленческие функции системы обеспечиваются своеобразной игрой сети в целом, в которой центр выполняет задачи согласования целей и действий элементов организации, а не выработки решений для их безусловного выполнения. Такие процессы, характерные для драйвера, соответствуют требованиям *принципа взаимодействия*.

Меняющийся в подобном ключе статус управленческого центра и периферии касается всех сфер жизнедеятельности и всех ее уровней, от производственно-организационного до управления в рамках политической системы государства. Повышение управленческой нагрузки на элементы социальной системы, включая индивида, утверждает соответствующие культурные нормы цифрового общества. Возникает конструкт «цифровая культура управления» с его характеристиками социального драйвера.

3. Существенное влияние на трансформацию современного социального управления оказывает виртуальный характер цифровой культуры. Данная характеристика, отвечающая *принципу виртуализации*, глубоко разработана М. Кастельсом, использующим термины «культура виртуальности» [3, с. 314], «культура реальной виртуальности» [3, с. 351]. Виртуализа-

ция не только удваивает действительность, но зачастую ее конструирует посредством симулякров (термин Ж. Бодрийера). Оторвавшиеся от реальности виртуальные конструкции развиваются по своим алгоритмам, удерживая их создателя в мире беспочвенных имитаций. В то же время присутствует и противоположный эффект: пребывание в виртуальной вселенной позволяет приобрести определенные управленческие навыки. Наполняя цифровой Я-образ собственными ценностями и установками, человек решает в «зазеркалье» киберпространства проблемы, позволяющие избежать схожих ситуаций в действительности. Такой своего рода «тренажер» не только не исключает из реального мира, а напротив, подвигает к безошибочной деятельности, удерживает в рамках общей социальной траектории.

Один из механизмов, важнейших для становления драйвера, описан Ю.Н. Харари как «воображаемые сообщества». Они «существуют только в нашем коллективном воображении, но мощь их чрезвычайно велика» [7, с. 438]. Подобными стихийно возникающими сообществами и наполнено цифровое пространство. Они концентрируют энергию многих акторов, создавая фактор развития.

4. Необходимым фактором цифровой трансформации управления оказывается *принцип отбора* информации. Коммуникационные сетевые узлы постоянно решают проблему «просеивания» и ранжирования необходимых сведений. В условиях глобального информационного вала, разворачивающегося на фоне столь же глобального и постоянного информационного шума, субъекты и объекты управления вынуждены постоянно обращаться к вопросу передачи и получения «своих», нужных данных. В противном случае возникающие информационные векторы случайного характера способны существенным образом деформировать управленческий процесс, уводя его наполнение за пределы профессиональной деятельности и блокируя функции драйвера. В то же время особенности современной цифровой культуры таковы, что даже если в ходе управления осуществляется отбор данных, а в организации создан отдельный управленческий контур (сеть), информация неизбежно будет сопрягаться с общими потоками знаний, существующих в интернете. В информационном мире объем сведений становится запредельным и подталкивает сознательно формируемую их конфигурацию к аморфному состоянию. В этом случае выбор курса в океане данных будет зависеть от доминант культуры.

5. На стороне стихийного управления оказывается фактор информационного воздействия на человека, включенного в цифровые коммуникации. Наряду с сетевыми СМИ, PR-агентами, рекламными компаниями, авторами, экспертами, другими персонифицированными субъектами, в интернете представлено множество источников влияния, остающихся анонимными. Функционируют боты, сервисы, программы. Помимо этого, управленческим потенциалом обладают интерактивные взаимодействия, осуществляемые на различных сетевых площадках в интересах обмена идеями

и знаниями, выработки солидарности и разделяемых идентичностей. Спонтанный процесс непрерывного возникновения меняющейся информации, примененный к драйверу, характеризует *принцип обновления* в его функционировании.

Рассмотренные взаимосвязи и взаимовлияния управленческих и культурных структур, реализуемые посредством современных информационных технологий, формируют «цифровую культуру управления» в качестве драйвера постиндустриального развития. Ее характеристиками являются: а) растущая субъектность человека информационного мира, интерактивность в деятельности и коммуникациях, обеспечивающая эффективность самоуправления и влияющая на управленческие алгоритмы; б) интенсификация коммуникаций в рамках культурного пространства, характеризующаяся резким ростом объема информации, цифровыми способами ее подачи, связывающая сферы и сегменты социума, способствующая выработке и принятию эффективных управленческих решений; в) сетевой характер культуры, меняющий организацию предприятий и организаций, также трансформирующихся в своей структуре по принципу сетей и постепенно отказывающихся от жесткой иерархии в управлении; г) виртуализация всей жизни, отличающая цифровую культуру, способствующая переносу управленческих взаимодействий в киберпространство, возникновению общего самонастраивающегося управленческого поля.

В конечном итоге умение подчеркнуть частичное совпадение рассматриваемых социальных институтов и одновременно принять во внимание их относительную самостоятельность представляют собой залог эффективного управления в условиях меняющихся культурных параметров, динамичного развития цифрового общества.

Заключение

Трансформации цифрового общества оказываются, помимо прочего, результатом нетривиальных процессов, описываемых при опоре на явление социального драйвера. Драйвером выступают процессы и структуры, способные реализовать две формально противоположные функции: удержать социум в системной целостности, не допуская разнокачественных изменений сегментов, и одновременно обеспечить его эффективное развитие. Содержанием драйвера становится опыт, преобразованный и переформатированный «цифрой». Общий смысл феномена – в *согласовании* в его разнообразных проявлениях: изменений частей и целого; элементов, структур и системы; более высокого уровня организации и менее высокого; субъективных целеполаганий и объективных пределов желаемого и др. Это условный фокус, собирающий импульсы, и одновременно фильтр, отбирающий в их массе необходимые. Механизм согласования опирается на принципы, объясняющие работу драйвера: подключение, взаимодействие, виртуализация, отбор, обновление.

Усложненная архитектура современного общества, множество рисков, большие зоны неопределенности обуславливают появление социального драйвера в качестве необходимого и закономерного. Он возникает как результат взаимодействия трех факторов, создающих своеобразный конструкт «цифровые технологии – культура – управление». Его содержание конкретизируется в «цифровой культуре управления», выступающей собственно драйвером. Функции драйвера воплощаются в практиках, демонстрирующих единство объективных характеристик культурных норм, социальных и информационных технологий, управленческих алгоритмов и субъективных устремлений человека. При этом механизмы, поддерживающие социальную динамику, в каждом случае свои. Если у цифровой культуры они связаны с диалектикой традиции и инновации, то у цифрового управления – с возможностью принятия эффективных решений, учитывающих сплетение сознательного и стихийного управления.

Проблема социального драйвера обладает определенным исследовательским потенциалом. Соответствующие процессы и структуры функционируют не только в обществе в целом, но и на уровне его сфер и отраслей, на национальном и региональном уровне. Остается открытым вопрос о функционировании драйвера личностного развития.

Список литературы

1. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. М.: Политиздат, 1981. 432 с.
2. Галкин Д.В. Digital culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей // Международный журнал исследования культуры. 2012. № 3 (8). С. 11–16. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/digital-culture-metodologicheskie-voprosy-issledovaniya-kulturnoy-dinamiki-ot-tsifrovyyh-avtomatov-do-tehno-bio-tvarey/viewer> (дата обращения 03.04.2024).
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
4. Носкова А.В. Сложное общество глазами Сергея Кравченко // Полис. Политические исследования. 2013. № 3. С. 164–167.
5. Розин В.М. Взаимодействие и границы социального, биологического и космического типов реальности // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 94–105.
6. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, 2009. 736 с.
7. Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2016. 520 с.
8. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. М.: Синдбад, 2019. 410 с.
9. Чернавин Ю.А. Современные судьбы гуманизма // Вестник Института мировых цивилизаций. 2017. № 16. С. 49–53.
10. Шваб К., Дэвис Н. Технологии четвертой промышленной революции. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

11. Gere Ch. Digital Culture. London: Reaktion Books, 2002. URL: <https://books.google.ru/books?id=VLrQ6bcwIwUC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 03.04.2024).

DIGITAL MANAGEMENT CULTURE AS A DRIVER DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY

Y.A. Chernavin

Russian University of Transport, Moscow, Russia

The article attempts to develop the concept of «social driver» as a methodological tool for the study of modern digital society. The driver has contradictory functions, on the one hand, it supports the systemic integrity of society, which excludes the multilevel and high-quality development of spheres and structures of society, on the other hand, it ensures its effective evolution. The main purpose of the driver is to coordinate social flows, which usually have a variety of vectors. The analysis is based on the dialectic of two social institutions – culture and management, permeated in modern society by appropriate technologies. Emerging processes form a «digital management culture» as a driver of post-industrial development. The principles of the occurrence of this phenomenon and its main characteristics are revealed.

Keywords: *driver of social development, coordination, postindustrialism, society, person, digital culture, digital management, digital technology.*

Об авторе:

Чернавин Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Философия, социология и история» ФГБОУ ВО «Государственный университет транспорта» (МИИТ), г. Москва. E-mail: uchernavin@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-7848-8646.

Author information:

CHERNAVIN Yuriy Aleksandrovich – PhD, Prof., Dept. of Philosophy, Sociology and History of Russian University of Transport, Moscow. E-mail: uchernavin@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-7848-8646.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.04.2024.

Дата принятия рукописи в печать: 12.05.2024.